

ЕЖЕГОДНИК
МОСКОВСКОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕАТРА

1944 г.

Том I

ИЗДАНИЕ МУЗЕЯ МОСКОВСКОГО
ОРДЕНОВ ЛЕНИНА И ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ТЕАТРА С С С Р
имени М. ГОРЬКОГО
МОСКВА
1 9 4 6

Хроника текущей жизни
Московского Художественного театра

Чеховские дни в МХАТ

15 июля 1944 года исполнилось 40 лет со дня смерти великого русского писателя Антона Павловича Чехова.

Для МХАТ, все творчество которого связано с произведениями и жизнью Чехова, эти дни были особенно знаменательны.

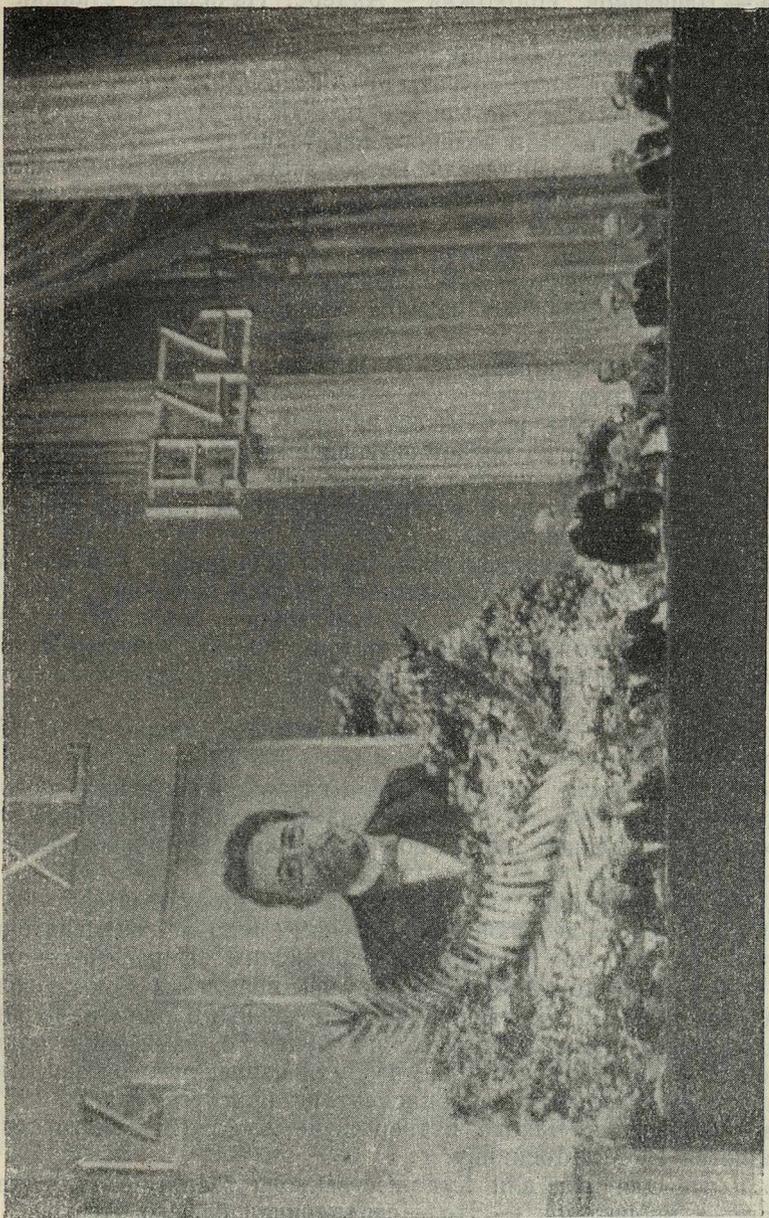
14 июля в фойе театра открылась подготовленная Музеем МХАТ выставка, посвященная Чехову. Посетители выставки могли познакомиться с ролью писателя в жизни театра. На стендах размещены эскизы декораций, фото исполнителей пьес Чехова, поставленных в МХАТ. Специальные стенды посвящены постановкам произведений Чехова в студиях: «Юбилей» и «Ведьма» в 1-й студии, «Три сестры» — в Оперно-драматической студии имени Станиславского и т. д.

Один из разделов выставки посвящен постановкам пьес А. П. за рубежом.

Интересны 2 эскиза, принадлежащие М. П. Чеховой, изображающие имение «Мелихово», фотографии писателя с группами артистов Художественного театра, с Горьким и Толстым.

Привлекает к себе внимание большой портрет О. Л. Книппер-Чеховой, работы художника Н. П. Ульянова. Портрет этот написан был художником в 1904 г., вскоре после смерти Чехова.

Вечером того же дня на Большой сцене театра шла пьеса «Вишневый сад» в составе следующих исполнителей: Раневская — Андровская,

Торжественное заседание в Большом театре,
посвященное 40-летию со дня смерти А. П. Чехова.
Речь произносит народный комиссар просвещения РСФСР В. П. Погемкин

Аня — Петрова, Варя — Тихомирова, Гаев — Качалов, Лопахин — Добро-
нравов, Трофимов — Яров, Симеонов-Пищик — Волков, Шарлотта —
Халюткина, Епиходов — Москвин, Дуняша — Михаловская, Фирс — Тар-
ханов, Яша — Блинные, Прохожий — Андерс, Начальник станции —
Истрин, Почтовый чиновник — Недзвецкий.

Спектакль прошел с большим успехом.

15 июля, в 12 часов утра, артисты МХАТ посетили могилу А. П. на
кладбище Новодевичьего монастыря и присутствовали на траурном
собрании, посвященном памяти великого писателя.

Собрание открыл председатель Всесоюзного комитета по прове-
дению 40-летия со дня смерти Чехова, народный комиссар просвеще-
ния РСФСР В. П. Потемкин.

С речами выступили: заслуженный деятель искусств, директор
Музея МХАТ Н. Д. Телешов, зам. председателя Исполкома Москов-
ского Совета тов. Сарычева, от рабочих Москвы — тов. Буров, майор
Ярустовский.

15 июля в Большом театре СССР Москва торжественным собра-
нием отмечала памятную дату.

Имя писателя, родное и близкое каждому советскому человеку,
привлекло в театр множество представителей интеллигенции нашей сто-
лицы. В театре — писатели, ученые, артисты, представители обществен-
ных и культурных организаций, генералы, офицеры Красной Армии и
Флота, стахановцы предприятий.

Зрительный зал переполнен. Все взоры обращены к большому,
украшенному гирляндами цветов, портрету Чехова в глубине сцены.

На сцене члены президиума торжественного собрания и среди
них представители Художественного театра: О. Л. Книппер-Чехова,
И. М. Москвин и В. И. Качалов, появление которых встречено долги-
ми аплодисментами.

Собрание открыл народный комиссар просвещения В. П. По-
темкин.

Он говорит о Чехове, как о писателе глубокой жизненной правды
и справедливости, о его вере в творческий труд, преобразующий мир,
о его мечте, воплощенной лишь после Великой Октябрьской рево-
люции.

Роль Чехова и влияние его творчества на мировую литературу, на
русскую культуру, воинствующий гуманизм Чехова, знаменательно
звучащий в наши дни борьбы с германским фашизмом — были
раскрыты в большом докладе председателя правления Союза совет-
ских писателей СССР Н. Тихонова. Заключительные слова его: «В сияю-
щий победой день сталинского века он будет с нами, наш родной
Чехов, боец за правду и красоту на любимой нашей русской земле!» —
встречены продолжительными аплодисментами присутствующих.

Слово о значении Чехова в творчестве Художественного театра
предоставляется И. М. Москвину:

«Кто и что для нас, для Художественного театра, Антон Павло-
вич Чехов? — говорит он. — Это — сердцевина нашего театра, его
духовный фундамент, его творческая основа. Это — предельная, глубо-
кая простота, кристальная правда, искренность, исчерпывающая сердце.
Это — неподкупная честность в жизни и в искусстве. Это — поэзия и

гармония театра. Это — наша первая любовь, которую никто из нас никогда не забудет. Это — первое глубокое познание родной страны, российских просторов, захолустных уездов, деревень и имений, познание целой эпохи, познание людей, которые нас окружали, великая чеховская наука любви к русским людям и веры в их прекрасное будущее. Вот это все — огромное, светлое, человеколюбивое, поэтическое — это и есть для нас Чехов. Таким мы впервые узнали его на заре нашей жизни, таким восприняли в свои души, таким пронесли сквозь десятилетия творчества Художественного театра. Чехов был для нас больше, гораздо больше, чем близким драматургом. Может быть, помимо своей воли, он учил нас видеть и принимать мир, видеть и любить Россию, верить в могучие силы народные и связывать с ними неразрывно свое искусство. Недаром, когда наши учителя Вл. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский говорили о «Чеховском» в Художественном театре, они имели ввиду самое глубокое и самое благородное содержание творческой жизни МХАТ.

Чехов не только влиял на нас своей драматургией и неотразимым, тонким обаянием своей личности, — он нас воспитывал, может быть, сам того не зная, он участвовал в создании нашего мировоззрения и указывал нам на долгие, долгие годы вперед наш творческий путь. Белая чайка на занавесе Художественного театра — это символ глубочайшей, неумирающей нашей духовной связи с гениальным писателем, которому мы стольким обязаны и в прошлом и в настоящем. Ведь для того, чтобы сыграть Чехова на сцене, нам, начинавшим дело Художественного театра, надо было прежде всего самим внутренне переродиться. Нам надо было, путем долгой, упорной работы над собой, отрешиться от всех поверхностных актерских примеров, от пафоса, декламации, от внешних эффектов. Чехов нес к нам на сцену самую жизнь, трепетное дыхание современности, образы бесконечно нам близких русских людей предреволюционной эпохи, с их мечтами и страданиями, с их скрытыми трагедиями и поэтическими взлетами. Он нес к нам на сцену такую пронзительную трепещущую ноту искренности, перед которой казалось бессильными самые яркие примеры самого благородного актерского пафоса.

Чехова нельзя просто сыграть. Им надобно жить. Каждый из нас, актеров Художественного театра, работая над образом чеховской пьесы, больше всего работал над собой. Музыкальность Чехова, его духовную грацию, его поэтическую чистоту нельзя было схватить извне, все это нужно было нам воспитывать в себе, чтобы потом разбудить ответный горячий отклик в зрительном зале. В пьесах Чехова нам иногда удавалось подходить к той предельной высокой, захватывающей простоте искусства, которая потом завоевывала Художественному театру его мировое признание. И какую бы пьесу, какого бы автора ни ставил потом Художественный театр, он никогда не забывал драгоценных уроков общения с Чеховым. Они стали золотым фондом нашего театра, да и вообще всего русского драматического искусства.

И с какой гордостью мы называли свой родной дом «домом Чехова». Чеховские заветы помогли нам овладеть и великой драматургией Горького, на творчестве которого мы тоже воспитывались и которого сам Антон Павлович так ценил, которого он ввел в нашу мхатов-

скую семью, когда мы всем театром приехали к нему в Ялту летом 1900 года.

Чеховские заветы и уроки, сливаясь с неустанными исканиями Станиславского и Немировича-Данченко, позволили нам подойти вплотную и к творчеству Льва Толстого, и к романам Достоевского, и к пьесам Островского и Тургенева, сблизиться с целым рядом современных драматургов. То, что мы получили от Чехова, на долгие годы напитало нашу школу, школу Художественного театра, воспитавшую не одно поколение актеров.

А когда мы посещали зарубежные страны, когда гастролировали в Европе и Америке, тот же Чехов своей безграничной искренностью, своим огромным любящим сердцем делал то, что люди, не знавшие нашего языка, понимали нас, отвечали нам незримыми флюидами затаившего зрительного зала или бурными выражениями сочувствия и признания. А потом — снова в России, в родной Москве, с новым подъемом и радостью мы играли никогда не сходящие со сцены «Вишневый сад», «Дядю Ваню», «Три сестры» и «Иванова». И какой гордостью за Чехова, за его бессмертное искусство преисполнились мы, когда совсем недавно, перед войной, новый, наш советский зритель так восторженно, жадно, с открытой душой воспринял новую постановку пьесы «Три сестры», отдаваясь поэзии и строгой красоте чеховского театра. Это было и есть торжество великого русского национального писателя, безгранично любившего свою родину и гениально угадывавшего ее светлое будущее.

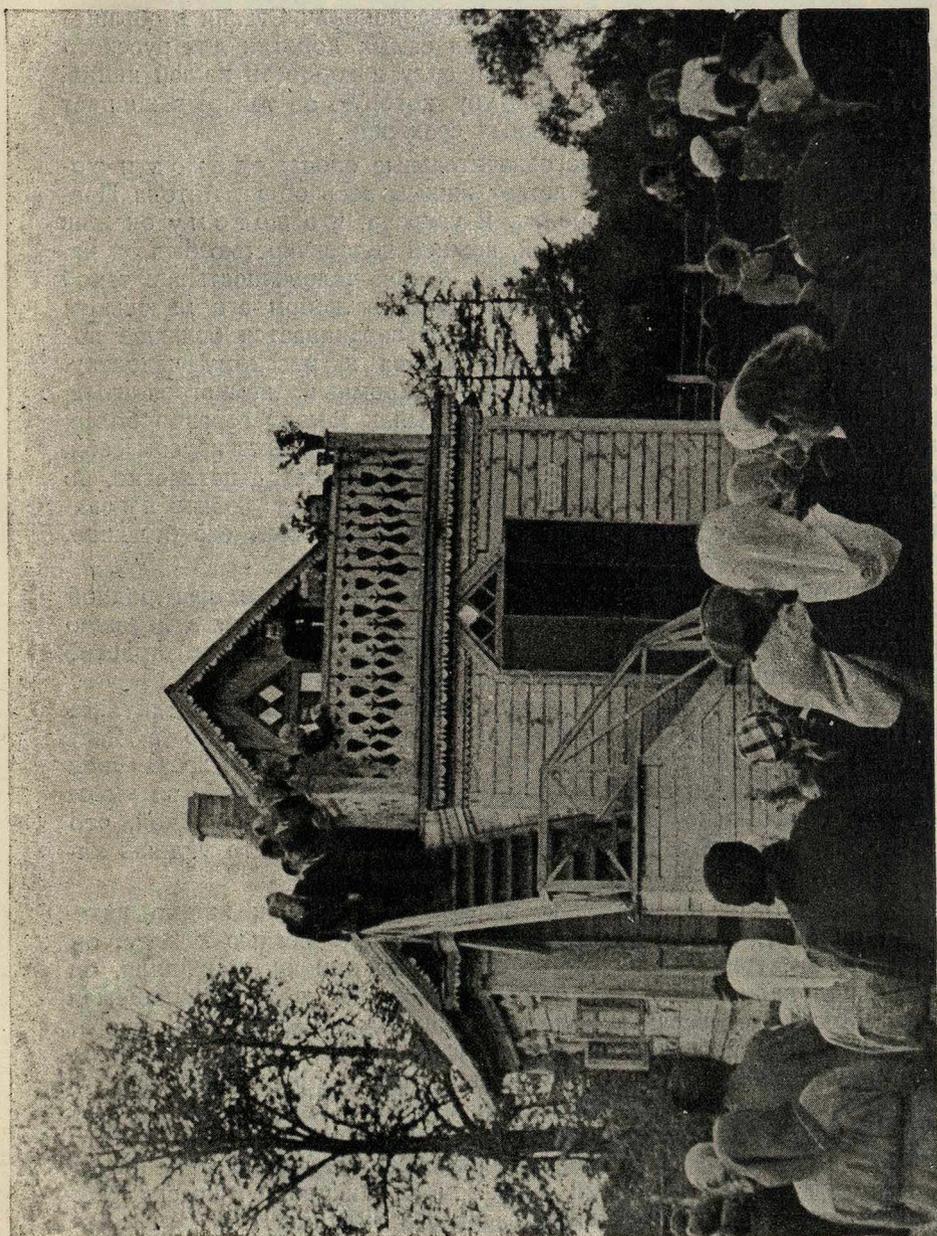
Вечно благодарным, верным и неизменным другом и спутником Чехова ощущает себя Московский Художественный театр. И мы счастливы сознанием, что эту нашу нежную любовь к Чехову разделяет с нами вся страна, весь народ, которому мы отдаем свои жизни в искусстве».

С горячей речью о патриотизме, жизнеутверждающем оптимизме и вере Чехова в будущее русского народа выступил писатель Л. Леонов.

«Мне трудно будет найти слова, — начала свою речь О. Л. Книппер-Чехова, — чтобы рассказать вам о том огромном чувстве и волнении своем, которым я живу в эти незабываемые дни чеховской годовщины. Памятная дата 40-летия со дня смерти Антона Павловича всколыхнула такую волну народной любви к нему, которую я ощущаю, как высшее торжество его творчества, как новое свидетельство его бессмертия в культуре родины, которую он так горячо, так нежно, так страстно любил.

Подумать только, какими огромными событиями, какими потрясениями были наполнены эти 40 лет! Мировая война и революция, Великая Октябрьская революция, перевернувшая всю нашу жизнь и давшая ей новый смысл; великое революционное переустройство страны с его грандиозными взлетами; и вот теперь новая война, в которой наш народ с таким самозабвенным, беспримерным мужеством, ценою страданий и подвигов победоносно защищает свою свободу и счастье от нашествия фашистских варваров. Подумать только!

И что же, — в эти бурные десятилетия тонкое, нежное поэтически трепетное творчество писателя Чехова не увядает, но неотразимо

Открытие музея в доме А. П. Чехова, где была написана «Чайка».
Лопасня (Московской области)

влечет к себе, как никогда, радует, ведет и воспитывает поколения русских людей, завоевывает все новое и новое признание передовых людей во всем мире.

В тяжелую годину войны Иосиф Виссарионович Сталин в обращении к народу называет имя Чехова среди самых дорогих для русского сердца имен, символизирующих славу и силу и гордость нашей нации, нашего народа, его бессмертную культуру, которую он теперь защищает своей доблестью на полях неслыханных сражений.

Когда я вдумываюсь в многозначительные слова: «Чехов и современность», передо мной встает живым весь облик Антона Павловича, каким я его знала и любила. Я уверена, что потому он жив в современности, что такой глубокой, нежной человечностью был он наполнен сам и наполнил свое творчество. Такой человечностью и такой любовью к России, такой верой в нее. Ведь в любом его маленьком рассказе, в повести, в пьесе перед нами разворачивается большое полотно русской жизни, дышит любовь Чехова к русскому человеку. Совсем не учитель, всегда поразительно скромный, немногословный, даже несколько замкнутый человек, склонный к юмору гораздо более, чем к патетике, он, однако, описывал то, что знал и видел кругом себя, не ради поэтической красоты самого описания; он всегда незаметно, но твердо ведет к своей мечте и к своей вере, заставляет любить и ненавидеть то, что любит и ненавидит он сам, во что верит его большое, мудрое сердце.

А жил он великой жаждой обновления и счастья для родной страны. Этим он жил, когда грустил и тосковал о России в далекую предреволюционную пору и когда так уверенно, окрыленно, страстно говорил в своих произведениях о ее светлом будущем.

Может быть поэтому к Антону Павловичу всегда так тянулись люди. Помню, я иногда спрашивала тех, кто посещал его в Ялте и в Москве — зачем они ходят к нему, да еще с вопросами, вроде «как надо жить?», — ведь он не проповедник, говорить не умеет, не умеет учить... А они, бывало, отвечали с кроткой и нежной улыбкой, что около Чехова, когда посидишь только, хоть и молча, и то уйдешь каким-то новым, обновленным человеком.

Да, говорить он не умел и не любил. Но зато, как жадно интересовался он окружающей жизнью. Прикованный болезнью к Ялте, он получал и просматривал все газеты, откуда бы они ни приходили, он по-детски радовался известию о каждом новом доме, строящемся в далекой Москве, об успехах молодого тогда Художественного театра, который он горячо полюбил, об открытии новой больницы или школы в каком-нибудь медвежьем углу, о новых книгах, приобретенных провинциальной библиотекой, о новой научной статье Тимирязева, о новом пейзаже Левитана. Все это радовало его, как радовали первые ростки посаженного им дерева в скромном ялтинском садике, где все было сделано его руками, как весенний запах земли, как цветы и краски, как всякое проявление жизни, сулившее расцвет в будущем.

Я знала Чехова последних шести лет: Чехова, слабеющего физически и крепкого духовно, Чехова, как-то необыкновенно просто и мудро относившегося к своей болезни. Каким приятием жизни, какой верой

в будущее пронизаны его создания этих лет!.. Вот несколько строчек из его последнего рассказа «Невеста»:

«О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет!»

«Здравствуй, новая жизнь!» — радостно-звонко, торжествующе восклицают Петя Трофимов и Аня, прощаясь с вишневым садом.

Помню, несколько лет тому назад в Ленинграде, во время гастролей Художественного театра, как-то белою ночью, после спектакля «Вишневый сад», ко мне подошла на улице девушка, оказавшаяся комсомолкой. Подошла и, волнуясь, запинаясь, заговорила о Чехове, о пьесе, которую только-что видела. Помню, я спросила ее: «А может быть это уже чуждо для современности? Дорого только нам, старикам?» Помню ее взволнованную, протестующую фразу: «Что вы! Ведь это же так красиво!».

И теперь, проходя мимо афиш, возвещающих в дни чеховских торжеств доклады, лекции, концерты и вечера на тему «Чехов и современность», узнавая о новых изданиях его произведений, о новых постановках его пьес по всей стране, получая массу писем, полных любви к Антону Павловичу, — я думаю о высшей награде писателя, которого народ признал писателем национальным.

В суровое, напряженное время мы собрались почтить память Антона Павловича. Еще не миновала нависшая над нашей родиной военная гроза, но уже все мы чувствуем могучие предвестия победы. В том, что именно в это время, в разгар военных событий, наше правительство так широко, так щедро и прекрасно чествует память Чехова и труды его жизни, я вижу знак непреклонной силы Советского Союза, его культуры, его искусства.

И мне от всей души хочется сказать нашим вождям — великое, сердечное спасибо!».

Продолжительными, долго несмолкающими аплодисментами сопровождаются заключительные слова Ольги Леонардовны.

Торжественное собрание заканчивается исполнением государственного гимна симфоническим оркестром Союза ССР, под управлением заслуженного деятеля искусств К. Иванова.

После антракта состоялся большой концерт. В первом отделении было исполнено четвертое действие спектакля МХАТ СССР им. Горького «Три сестры» в постановке Вл. И. Немировича-Данченко (режиссеры Н. Н. Литовцева и И. М. Раевский, художник В. В. Дмитриев) в составе следующих исполнителей: Андрей Прозоров — Станицын, Наташа — Георгиевская, Ольга — Еланская, Маша — Тарасова, Ирина — Гошева, Кулыгин — Орлов, Вершинин — Болдуман, Тузенбах — Масальский, Соленый — Ливанов, Чебутькин — Грибов, Федотик — Дорохин, Родэ — Белокуров, Ферапонт — Подгорный, Анфиса — Соколовская.

Во втором отделении концерта приняли участие Симфонический оркестр Союза ССР под управлением К. Иванова, Н. Д. Шпиллер, М. О. Рейзен, И. С. Козловский в сопровождении Гос. квартета имени Бетховена, В. И. Качалов, прочитавший монолог Трофимова из «Виш-

невого сада», и И. М. Москвин, исполнивший вместе с В. А. Вербицким инсценировку рассказа Чехова «Дипломат».

Закончился концерт «Свадьбой» А. П. Чехова, в исполнении артистов Ленинградского академического театра драмы им. Пушкина.

В тот же вечер 15 июля на Большой сцене Художественного театра шел спектакль «Вишневый сад», в том же исполнении, что и накануне (за исключением трех ролей: роль Гаева исполнял Ершов, Епиходова — Топорков и Начальника станции — Сухарев).